

народе. В этой войне с Советским Союзом фашизм должен найти и найдет свою смерть.

Среди германских солдат, в рядах которых и я сам был еще недавно, также царит подавленное настроение. Но каждый боится поделиться своей мыслью с другим. Между солдатами посеяно недоверие. Никто вслух не высказывает своих мнений, а прячет их глубоко в себе. Солдат представляет собой раздвоенную личность: одно—то, что видно снаружи; другое, что у каждого на сердце. Затаенными своими мыслями солдат боится поделиться, ибо ему грозит гестапо и смерть.

Палка офицера, угроза расстрела заставляют немецкого солдата воевать, но он не хочет этой войны, он жаждет мира, как жаждет этого мира весь германский народ.

И вот, находясь сейчас в Советской России, мне хочется обратиться к своим недавним товарищам и сказать:

—Германские солдаты, рабочие, крестьяне, мужчины и женщины! Что дал вам Гитлер? Что принес вам фашизм? Жизнь в страхе и в нечеловеческих лишениях, голод, нищету, смерть. Где ваш мирный труд, где ваши мужья, братья, сыновья? Кровавый Гитлер отнял у вас все. Доколе вы будете это еще терпеть? Доколе будут длиться ваши невероятные страдания? Гитлер навязал вам новую войну против Советского Союза. В этой войне фашизм должен найти свою гибель.

Здесь, в Советском Союзе, я вижу многомиллионный народ, поднявшийся, как один, чтобы уничтожить фашизм.

Германские солдаты! Вы обязаны помочь поскорее покончить с фашизмом. Поверните штыки против Гитлера и его клики, правящей сейчас Германией. Этим вы сделаете святое дело. Настанет мир, которого так жаждет германский народ, и ненавистный фашизм будет уничтожен навсегда!

Альфред ЛИСКОФ.

**Уроженец гор. Кольверк, рабочий
мебельной фабрики Вилли Тацика.**

Разговор с пленными

Через линию фронта фашистские разведчики пробрались безнаказанно, если не считать того, что они сразу же были замечены нашими бойцами и взяты под неослабное наблюдение. Им дали несколько углубиться, а затем перед ними,

как из-под земли, выросли красноармейцы. Назад? Но там тоже красноармейцы! Фашистские разведчики вынуждены были сдаться. И вот они предстали перед нами.

Унтер-офицер Р. старается держаться с апломбом. Еще бы! Он—заядлый и заслуженный наци. У него на груди ленточка какого-то ордена. Но есть еще одна существенная деталь, определяющая „железную идейность“ пойманного фашиста: у него в Германии осталось 150 гектаров собственной земли. Раздобревший за годы гитлеровского режима, кулак Р. не мог не стать фашистским бандитом.

Что можно сказать о его „идейности“? Он не может связать двух слов в области политики. Как заведенный граммофон, он повторяет одни и те же чужие фразы. Говорить с ним неинтересно. Но становится понятным, из кого состоит фашистский „актив“...

Второй унтер-офицер Ш. тоже из крестьян. Но производит он другое впечатление. Дело в том, что ста пятидесяти гектаров земли у него нет. Он—рядовой немецкий крестьянин, чувствует себя сейчас весьма растерянно. В его голове еще не созрели окончательные выводы о происшедшем, и он довольно часто употребляет выражение: „Меня, нас, многих обманули“.

Ш. рассказывает:

—Мы совершенно не знали, что нас везут воевать с СССР. Даже когда нас подвозили к советской границе, мы все еще думали, что нас хотят переправить через Прибалтику и затем на пароходах послать воевать с Англией. Вышло же не так. Только мы подошли к границе, как командиры сказали нам, что Советский Союз, нарушив договор, напал на Германию, и мы должны теперь защищать честь своей империи. Мы, недоумевая, пошли в бой. Оказалось, что нас обманули...

Третий разведчик—рядовой Б.—просто малокультурный парень. До войны он был батраком, в политике разбирается плохо. В его голове смешались фашистские лозунги и трезвые мысли трудового человека. Он охотно все рассказывает. Спросили у него: „Что вы знаете о Советском Союзе?“. Он ответил: „Знаю только, что в Советском Союзе всем батракам дали землю“.

Между прочим, он сообщает такой любопытный факт:

—Еще когда мы стояли у вашей границы, нас, таких, как я, подружилось шесть человек. О чем мы говорили? Ну,

стоим на границе, поведешь носом—пахнет войной, а чем-чем, но войнами в Германии сыты по горло. Вот мы и говорили между собой: пока не началось, надо бежать в СССР, там землю дадут. На том и порешили. А тут вдруг нам объявляют: СССР напал на Германию, идите защищать империю. Однако я сразу увидел, что тут что-то не так. И старая мысль не покидала меня. Наконец, мне повезло: как хорошего кавалериста, меня включили в разведку. Дальше произошло все то, что вам известно.

Так выглядят представители гитлеровского войска. Беседа с ними не оставляет сомнения в том, что в фашистской армии далеко не все так гармонично и слаженно, как пытаются это представить ее руководители.

Кстати сказать, в последнее время на фронте все больше и больше учащаются случаи, когда немецкое командование посылает в атаку солдат, подпоенных спиртом. Зачем это делается? Ведь сейчас совсем не холодно. Очевидно, одной идеей фашистам не удастся спаять своих солдат, и им приходится „подбадривать“ солдат водкой.

Обращение к немецким летчикам и солдатам четырех немецких летчиков

25 июня вблизи Киева приземлились на пикирующем бомбардировщике „Юнкерс-88“ 4 немецких летчика: унтер-офицер Ганс Герман, 1916 года рождения, уроженец города Бреславля в средней Силезии; летчик-наблюдатель Ганс Кратц, 1917 г. рождения, уроженец Франкфурта-на-Майне; старший ефрейтор Адольф Аппель, 1918 г. рождения, уроженец гор. Брно (Брюн)—Моравия и радист Вильгельм Шмидт, 1917 г. рождения, уроженец города Регенсбурга.

Все они составляли экипаж, входивший в состав второй группы 54 эскадрильи. Добровольно приземлившиеся летчики обратились ко всем немецким летчикам и солдатам с письмом, которое мы ниже публикуем.

К НЕМЕЦКИМ ЛЕТЧИКАМ И СОЛДАТАМ

Мы, немецкие летчики: водитель самолета Ганс Герман, наблюдатель Ганс Кратц, стрелок Адольф Аппель, радист Вильгельм Шмидт, летаем вместе почти один год.

На бомбардировщике „Ю-88“ мы вылетали для бомбардировки Лондона, Портсмута, Плимута и других городов Англии.

Еще ранее мы летали над французскими городами. Теперь нас послали на русский фронт для того чтобы бомбить мирные русские города.

Мы часто задавали себе вопрос: почему воюет Гитлер против целого света? Почему он приносит всем народам Европы смерть и разорение? Почему должны лучшие люди Германии погибать от пуль, которые им посылаются навстречу народами, защищающими свое отечество.

На этот вопрос нам никто ответа не дал. Мы каждый раз видели, что спровоцированная Гитлером война приносит всем народам Европы, в том числе и германскому народу, только несчастья и смерть.

Нас часто беспокоила мысль, что из-за кровавой собаки Гитлера от наших бомб погибает много ни в чем неповинных женщин и детей.

Поэтому мы на сей раз сбросили бомбы так, что они не причинили вреда. Мы уже давно таили мысль бежать от Гитлера и начать мирную жизнь, но мы боялись.

Теперь, когда Гитлер объявил войну России, в которой он обязательно потеряет свою голову, мы решили предпринять побег.

25-го июня наша группа, руководимая майором Крафтом, полетела в Киев.

Мы сбросили свои бомбы в Днепр и приземлились неподалеку от города.

Мы были поражены, когда нас немедленно окружили вооруженные крестьяне, которые тотчас же взяли нас в плен.

Это еще раз убедило нас, что советский народ един, подготовлен к борьбе и победит.

Теперь мы в России. Здесь нас хорошо приняли.

Братья летчики и солдаты, следуйте нашему примеру. Бросьте убийцу Гитлера и переходите сюда в Россию.

Hans German
Hans Kretz
16 June 1941
Adolf Appel
Wilhelm Schmidt

Ганс GERMAN,
Ганс КРАТЦ,
Адольф АППЕЛЬ,
Вильгельм ШМИДТ.

Разговор с немецким летчиком Гофбауером

Паулю Гофбауеру 23 года. Это среднего роста щедущий человек. Он в чине ефрейтора. На нем сшитый из плохонького сукна стального цвета костюм германского летчика. В желтых петлицах—летные знаки. Левый борт кителя перехвачен черно-бело-красной лентой—знак награждения железным крестом второй степени. Кроме того, он награжден железным крестом первой степени.

— За что?

Оказывается, для поддержания духа у летчиков Гитлер ввел порядок: после 6 налетов каждый награждается железным крестом второй степени, после 17 налетов—крестом первой степени.

Два года находится Пауль Гофбауер в германской армии. Фашисты 47 раз посылали его бомбить французские и английские города и села, а затем приказали бомбить мирные советские города.

Гофбауер не вернулся на свою базу. Он перелетел на советскую сторону и приземлился.

— Там, где я спустился, толпа людей мигом окружила самолет, это были не военные, а обыкновенные крестьяне, которые, не побоявшись ни пулеметов, ни личного оружия, быстро забрали меня в плен.

Пауль Гофбауер устал от войны:

— Что может дать она мне?—говорит он.—Что может дать она многим таким, как я? Я по профессии обойщик. Три с половиной года учился в ремесленном училище, а затем год работал в Мюнхене у Альфонса Мааль. Когда меня призвали в армию, я вступил в нее без радости и энтузиазма. Если бы вам удалось поговорить с нашими старыми летчиками, они сказали бы вам то же самое. Все мы очень устали от войны. Только молодежь, которая впервые садится на самолет, может питать иллюзии, что фронт—это романтика. Но после первых же полетов и у них эти иллюзии выветриваются, как дым.

После короткой паузы летчик продолжает:

— Перед тем как начать войну против Советского Союза, фашисты выпустили и роздали нам прокламации. Мы были ошеломлены тем, что прочитали. Каждому из нас было ясно, что Советская Россия является огромной силой, что

война с ней не приведет к добру. Было ясно, что затевается фантастическое безумие. Но что каждый из нас мог сделать? Угроза расстрела гонит летчиков и солдат других родов войск на войну.

Наш народ не хочет войны с Советской Россией. Он устал от голода и страданий. Нарушение всей хозяйственной жизни в стране сейчас очень сильно ощущается даже на передовых участках фронта. Вот убедительные примеры: германская авиация воюет сейчас боеприпасами выпуска 1940 года. Редко, очень редко я видел бомбы, изготовленные в 1939 году. Что это значит? Это значит, что боевые запасы подходят к концу. То же я могу сказать и об авиационном бензине. Наша эскадрилья бомбардировщиков в последнее время пользуется только тем авиационным бензином, который успевают подвезти. Что же касается продовольствия, то, как нам часто объясняли, сейчас все надежды возлагаются на Балканы. Балканские страны, по мнению Гитлера, должны снабжать Германию продуктами и нефтью.

Сейчас, когда я разговариваю с вами, я перебираю в памяти всю свою жизнь. Что видел я на своей родине? Кровь, разрушение, голод, смерть. Что вижу я у вас? Незнакомый мне народ, чувства которого все больше начинаю понимать. Эти чувства мне понятны даже без знания русского языка.

Проклятый Гитлер и все наци провокационно напали на Советский Союз. Мне понятна ярость великого русского народа, которую я наблюдаю. Эта ярость уничтожит фашизм. И это будет справедливо. Фашизм и Гитлер ненавистны всякому трудящемуся немцу.

Обращение к немецким летчикам и солдатам ефрейтора-бортмеханика германского самолета „Ю-88“ Пауля Гофбауер

Летчики и солдаты на фронте, братья по родине!

Вам пишет это письмо ефрейтор-бортмеханик самолета „Ю-88“ первого звена первой группы 54-й эскадрильи Пауль Гофбауер.

Как и многие из вас, я был слеп в первые дни войны, когда безумный Гитлер начал предательский поход на Советскую Россию.

Кому нужна эта война? Что, кроме новых страданий, она может принести германскому народу? Разве тебе, ефрейтор Эдгар Кюн из Дрездена, нужна эта война? Разве плохо тебе было бы мирно работать по своей специальности декоратора и зарабатывать себе на жизнь, а не подставлять свою голову под пули? Или, может быть, тебе, Герман Ваберский, или тебе, Макс Редер, нужна эта война?

Я вместе с вами служил в 54-й эскадрилье, и я знаю, что и вы, и многие другие летчики и солдаты легко поймете меня: эта война германскому народу не нужна. Ее затеяли Гитлер и фашисты ради своих интересов, чтобы легче было продолжать высасывать кровь из германского народа. Но эта война должна принести и принесет смерть самому фашизму.

Братья! Против кого вы воюете? Против страны, где трудящийся человек чувствует себя подлинно человеком, где каждый трудится для своего блага и блага своей родины. А вас Гитлер и фашисты заставляют проливать свою кровь ради интересов ваших угнетателей.

Выход один—низвергайте ваших тиранов, которые годами высасывают из вас кровь. Поверните штыки против Гитлера и фашизма. Переходите в Советскую Россию.

Я нахожусь сейчас в Советской России и вижу, что с пленными немцами здесь обращаются хорошо, гуманно, по-человечески.

Летчики! Не бросайте бомб на мирные русские города. Перелетайте на своих самолетах в Советскую Россию и вместе со всеми культурными людьми помогайте уничтожать кровавый фашизм.

Пауль Гофбауер.

Фашисты не ожидали такого отпора

Рассказ немецких пленных

Восемь немецких солдат вместе с офицером пробрались в наш тыл. Им было приказано произвести разведку и донести по радио о всем виденном. Но фашистским налетчикам не удалось это сделать. Их заметили красноармейцы. Наши бойцы неожиданно окружили немецких разведчиков со всех сторон. Офицер бежал, солдаты сдались в плен.

Обезоруженные стремительными действиями пехотинцев, пленные были доставлены в штаб. Они из разных мест. Некоторые были на фронте против Франции, многим пришлось побывать в 1939 году в Польше, а затем—в Греции. В течение нескольких лет они непрерывно участвовали в боевых операциях. Но дух уже сломен. У каждого чувствуются усталость, нежелание воевать.

Старший ефрейтор Вилли Баартц—рабочий из Вестфалии. Он мобилизован уже давно, был на нескольких фронтах.

— Все думали,—говорит он,—что война уже идет к концу, и вдруг—война против России. Это свалилось, как снег на голову. Эта война—безумие Гитлера и его приспешников.

Все эти пленные очень высоко оценивают боеспособность Красной Армии, смелость, храбрость и сплоченность бойцов.

Фрич—унтер-офицер. В его петлице—значок железного креста второй степени. Ему приходилось встречаться в боях со многими войсками, но нигде, по его словам, не видел он столько техники и такую сильную армию, как армия советской России.

— Красная Армия исключительно сильна,—говорит ефрейтор Баумгартен.—Этого немцы не ожидали.

Разговор подходит к концу. С чувством отвращения говорит о войне ефрейтор Этцвайлер.

Германский народ устал воевать. Войну затеяли фашисты. Уже не в первый раз гонят солдат на фронт. В батальоне, где я служил, было много сочувствующих СССР. Командир роты, чувствуя настроение солдат, сказал, что, кто не пойдет в бой, тот будет расстрелян на месте. В этот же день наш батальон встретился с тяжелыми советскими танками и был уничтожен.

Обескураженные пленные как бы в заключение говорят:

— Молниеносный удар не удался германской армии—это ясно.

Разговор с немецкими пленными летчиками

Их везли мимо ярких цветов, которые они собирались растоптать, мимо детей, которых они намерены были уничтожить, мимо взрослых, для которых они приготовили бомбы. Их везли по южному советскому городу, до которого им долететь так и не удалось.

Немецко-фашистские летчики—экипаж пикирующего бомбардировщика „Юнкерс-88“—введены в комнату для допроса. Они стоят, опустив голову, нервничают и смотрят исподлобья. В поведении фашистских летчиков нет ничего, что хоть отдаленно говорило бы об „особых качествах“ германцев. Они растеряны.

Мундиры на фашистских летчиках из плохонького сукна грязновато-серого цвета. На воротничках гитлеровских стервятников—желтые петлицы, на плечах—небольшие погоны, обшитые тусклым оловянным кантиком. Экипаж сбитого самолета состоит из пилота—старшего фельдфебеля Фрица Генинга, наблюдателя—фельдфебеля Генриха Шмита, бортмеханика Конрада Бенеке, радиста и стрелка Иоганна Наумана.

История появления и гибели над советской землей фашистского пикирующего бомбардировщика „Ю-88“ представляет значительный интерес. Она убедительно показывает, что мощные удары сталинских соколов наносят непоправимый урон фашистской авиации. Немецкое командование уже на восьмой день войны вынуждено было спешно перебрасывать одиночные самолеты с французских аэродромов и сразу, не давая им отдыха, вводить в бой.

Экипаж сбитого самолета все время действовал против Англии. Над британскими островами из состава самолета погиб борт-механик. Рано утром 30 июня „Ю-88“, находившийся на французском аэродроме около Парижа, получил нового борт-механика и спешно был переброшен на аэродром в пяти километрах юго-восточнее Кракова. Сюда самолет прилетел поздно вечером. Ранним утром 1 июля „Ю-88“ был уже выслан на фронт против Красной Армии.

Стервятники вылетели в составе звена и шли строем „хундкете“, что означает—„собачье звено“.

Первый вылет фашистов оказался для них роковым. Над железной дорогой самолет был обстрелян нашей пехотой. Одна из винтовочных пуль прошла через корпус самолета. Осколками разбитого стекла были ранены в руки наблюдатель и летчик. Южнее города Н. „Ю-88“ был атакован нашим истребителем. У фашистского самолета был пробит бензиновый бак. Маневрируя, германские фашисты повернули назад. Но наш истребитель стал заходить снизу. Спасаясь от гибели, бомбардировщик снизился до 15—20 метров и, преследуемый истребителем, пошел на посадку.

Фашистские летчики были немедленно задержаны колхозниками.

Что привело их в нашу страну, почему напали они на мирный трудящийся народ огромной советской земли?

Наблюдатель Генрих Шмит, 1908 года рождения, в прошлом строительный техник, долго думает, тяжело морщит лоб и глухо отвечает:

— Не знаю. Я лично ничего от вас не хотел.

— А что думает германский народ по поводу вашего разбойничьего нападения на Советский Союз?

— Не знаю, с народом мы не связаны.

— А солдаты?

— Солдаты—это солдаты, они не думают. Но многие говорят: скорей бы кончилось это. Надоело.

Не знает, почему пошел на войну против народов СССР, и командир самолета Фриц Генинг. Он пожимает плечами и после долгого молчания отвечает:

— Я не знаю, зачем мы воюем. Нам приказали.

У командира фашистского самолета нет никакой идеи. Как машина, он начал действовать, когда нажали кнопку. Впрочем, каждый из гитлеровской разбойничьей четверки стоит один другого. Все они производят впечатление людей, которых давно уже приучили жить без собственного мнения и без своих мыслей. Они заучили прописную национал-социалистскую истину.

— Все люди земли, кроме чистокровных немцев, не стоят того, чтобы о них беспокоиться и размышлять.

Наблюдатель Шмит, наиболее разговорчивый из всех, с презрением говорит об итальянцах. По его мнению, они годны для фашистской Германии только как пушечное мясо.

— Прямо об этом мы не пишем,—говорит он,—но между строк видно...

О французах он говорит:

— Когда Гитлер установил порядок в их желудках, они выразили недовольство. Видите ли, они считают, что будто бы привыкли больше кушать до нашего прихода...

Румыны, чехи, словаки и венгры, по мнению Шмита и остальных членов экипажа,—тоже пушечное мясо. Генрих Шмит, как и Фриц Генинг, считает, что все народы Европы должны служить германскому фашизму. „Так хочет Гитлер“,—говорит он.